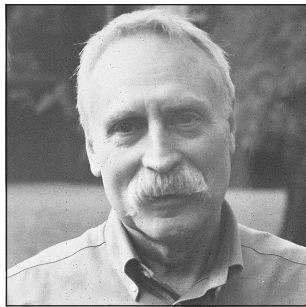

Определение релятивизма

ДЭВИД БЛУР¹ (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

В статье предлагается определение релятивизма как отрицания абсолютизма. Эпистемологический абсолютизм рассматривается как укоренённый в теологической традиции способ приписывания научному знанию характеристик в превосходной степени. Исследуются и критикуются конкурирующие определения релятивизма и его критерии.

Ключевые слова: релятивизм, абсолютизм, выбор, культурная традиция.

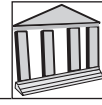
Всё есть то, что оно есть, и ничто другое.

Епископ Батлер

§1 Введение

Я хочу предложить вам определение релятивизма, а затем разъяснить его и защитить от критики. Вначале я хотел бы уточнить, что считаю себя релятивистом и мое определение является частью общей стратегии защиты релятивистской позиции.

¹ Дэвид Блур (David Bloor, р. 1942) – британский философ и социолог науки, профессор Эдинбургского университета. Получил образование в области философии, математики и психологии в университетах Кембриджа и Эдинбурга. Основные публикации связаны с когнитивной теорией метафоры, философией Л. Витгенштейна и социологией знания. Автор книг «Знание и социальная образность» (1976, 2-е изд. 1991); «Витгенштейн: социальная теория знания» (1983); «Витгенштейн: правила и институты» (1997). Автор фотографии С. Сигурдсен (S. Sigurdsen).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕЛЯТИВИЗМА

Я буду строить свое рассуждение в терминах релятивизма относительно знания в отличие от релятивизма относительно морали, однако я полагаю, что две эти позиции очень близки. Многие из того, что я скажу, применимо к определению и эпистемологического, и морального релятивизма.

Иногда говорят, что невозможно заставить принять определение. Это верно, но будучи совершенно свободными в выборе определений *логически*, мы не свободны в этом выборе *методологически*. Определение может быть произвольным логически, но не методологически. Далее я предложу методологическое обоснование своего определения и сформулирую методологические аргументы против наиболее известных альтернативных определений, которые используются философами-антирелятивистами.

§2 Определение релятивизма

Определение, которое я хочу предложить, очень просто. Я буду исходить из того, что релятивизм является не чем иным, как отбрасыванием (*rejection*) абсолютизма. Релятивизм – это отрицание абсолютизма. Абсолютист утверждает, что мы можем обладать и действительно обладаем каким-либо абсолютным знанием; релятивист утверждает, что мы не обладаем каким бы то ни было абсолютным знанием, поскольку все знание релятивно. В символической записи это выглядит так:

$$P = \sim A.$$

Это определение содержит представление о том, что релятивизм и абсолютизм взаимно исключают друг друга и совместно исчерпывают весь универсум возможных позиций. Логически все пространство возможностей может быть разделено на две части. Методологически идея заключается в том, чтобы принудить к определенному выбору. Определение требует от каждого: определись с выбором! Какую позицию ты занимаешь? Ты релятивист или абсолютист? Ты должен быть или тем, или другим. Нельзя быть и тем, и другим одновременно, и от этого выбора нельзя уклониться.

Очевидно, мое определение предполагает, что слово «абсолютизм» уже имеет значение, следовательно, для получения исчерпывающего определения релятивизма мне необходимо дать определение абсолютизма.

Тут я сделаю интеллектуальный скачок, который на первый взгляд может показаться странным. Я собираюсь выдвинуть предположение, что наши наиболее ясные интуиции относительно абсолютизма имеют теологическое происхождение. Архетипом абсолюта является Бог. Бог – это мать и отец всех абсолютов.

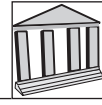
В локальной теологической традиции Бог представляется как совершенное, вечное, неизменное существо, чье бытие необходимо, а не случайно. Если использовать это описание как модель, то абсолютное знание и знание абсолютов также должны иметь все эти атрибуты. Абсолютное знание должно быть совершенным, вечным и всеобъемлющим, а также самодостаточным. Оно не может быть несовершенным, временным, предвзятым, приблизительным, упрощенным или ограниченным по объему.

Очевидно, что слово «абсолютный» (когда оно используется для выражения «абсолютистской» позиции относительно знания) употребляется в смысле превосходной степени. Грамматика абсолютизма должна быть грамматикой превосходных степеней. Подумайте о таком прилагательном как «уникальный». Что-либо не может быть «более или менее уникальным»; оно либо уникально, либо нет. Я полагаю, что это справедливо и в отношении тех превосходных степеней в философии, которые абсолютистская позиция применяет к знанию. Любое знание может быть либо абсолютным, либо неабсолютным. Именно эта связь понятия об абсолютизме с использованием превосходных степеней объясняет, почему нельзя размывать различие между релятивистами и абсолютистами. Значение, которое я придаю слову «абсолютизм», дает мне возможность определить релятивизм как отрицание и отбрасывание абсолютизма.

§3 Истоки определения релятивизма

Я заимствую свое определение релятивизма у физика Филиппа Франка. Франк был другом Эйнштейна и занял его кафедру теоретической физики в Пражском немецком университете, когда Эйнштейн покинул ее, уехав в Цюрих, а затем в Берлин.

Франк был эпистемологическим релятивистом и развил свои идеи в опубликованной в 1951 г. книге, вышедшей на английском языке под названием «Релятивность. Более богатая истина». Название немецкоязычного издания лучше и бо-

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕЛЯТИВИЗМА

лее точно формулирует центральную проблему. Оно звучит так: «Истина – релятивная или абсолютная?»².

Центральный тезис Франка заключается в том, что абсолютизм воплощает все то, что не имеет никакого отношения к науке. Наука, согласно Франку, вообще не может обойтись без упрощения, избирательности, выбора, аппроксимации и идеализации. Она всегда создает понятия, которые соответствуют реальности здесь и не соответствуют там, и теории, которые работают здесь и не работают там. Как говорит Франк, наука воплощает относительность истины. То, что он называет битвой за прогресс в науке, шло под знаменами «релятивности истины».

«Эта битва не испытала никакого воздействия со стороны притязаний на “абсолютную истину”, поскольку этому понятию еще только предстоит найти надлежащее место в научном мышлении» (1951. P. 21).

Франк доказывал, что каждый раз, когда ученые думают, будто познали реальность некоторым окончательным, определенным и абсолютным образом, они вводят в заблуждение сами себя. Такая окончательность (finality) иллюзорна. Вместе с ростом знаний, вместе с выяснением новых деталей, вместе с расширением горизонта ученого, несовершенства имеющегося знания станут очевидны, и понадобятся уточнения. Взаимосвязь между природными феноменами обязательно разрушит стройность слишком простых категорий и моделей ученого. Релятивный характер знания вновь станет очевиден. Абсолютизм – это только свидетельство ограниченности нашего познания или выражение нашей самоуверенности и слабости критической рефлексии³. Релятивизм же выражает осведомленность об ограниченности нашего познания и помогает избежать самоуверенности.

² Frank P. *Relativity – A Richer Truth*. L., Jonathan cape, 1951; Frank P. *Wahrheit – relativ oder absolut?* Zurich: Pan-Verlag, 1952. Философ Томас Юбель отмечает связь между работами Франка и позднейшими работами в рамках Эдинбургской сильной программы в социологии знания, однако полагает, что разница между ними заключается в том, что представители Эдинбургской школы являются релятивистами, тогда как Франк им не был. Очевидно, что Юбель не распознал сути рассуждений, которые Франк развил в книге «Релятивность. Более богатая истина». См.: Uebel T. *Logical Empiricism and the Sociology of Knowledge: The Case of Neurath and Frank* // *Philosophy of Science*. 2000. Vol. 67 (proceedings). S. 138–150.

³ Франк имел обыкновение помещать слова «релятивизм» и «абсолютная истина» в кавычки. Если он был релятивистом, почему он именовал себя «релятивистом» в кавычках? Означает ли это, что он стремился дистанцироваться от релятивистской позиции? Я так не думаю. Хотя причины использования такого типографского обозначения не ясны (и употребление кавычек у Франка не всегда последовательно), я подозреваю, что оно было следствием позитивистского желания проявить сдержанность в использовании таких категорий, которые могли бы быть восприняты как метафизические. Абсолютная истина определенно является подозрительным метафизическим понятием.

§4 Некоторые очевидные вопросы

Я провел резкое различие между абсолютизмом и релятивизмом. Теперь следует вопрос: само это различие абсолютно или релятивно?

Если бы я сказал, что оно абсолютно, то я бы не смог защититься от обвинения в том, что противоречу сам себе и возвожу здание своего релятивизма на абсолютистском фундаменте. Следовательно, я должен утверждать, что проведенное различие релятивно. Это влечет за собой еще два вопроса. Первый: относительно чего оно релятивно? Второй: что его релятивный характер означает для статуса релятивизма? Я отвечаю на эти вопросы по порядку.

Я отчетливо указал на связь моего определения релятивизма с теологической традицией. Следовательно, его значение и мыслимость зависят от этого элемента нашей культуры. Соответственно существование этой традиции является одной из причин, объясняющих убедительность данного определения. Это ответ на вопрос о том, относительно чего релятивно мое определение: оно релятивно к локальной культуре.

Угрожает ли отсылка к определенной культуре моему определению? Она, конечно, означает, что те, кому чужд этот аспект нашей культуры, могут оказаться не в состоянии воспринять силу моего определения. Это также означает, что в принципе анализ знания должен быть перестроен в совершенно иных терминах, которые не связаны с теологической традицией. Однако это чревато другой опасностью – превратить термины «релятивизм» и «абсолютизм» в формальные, пустые и темные. Они потеряют часть своей действенности (*resonance*) и, стало быть, свое значение. Эпистемологические теории нуждаются в моделях, и в данном случае модель обеспечивает теология.

Таким образом, я буду доказывать, что обоснование определения через теологическую традицию является источни-

---

Для строгого последователя идей Венского кружка абсолютизм лишен значения. Если он лишен значения, то релятивизм как отрицание абсолютизма также лишен значения в строгом смысле слова. Такое понимание релятивизма следует «Логико-философскому трактату» Л. Витгенштейна. Это не лишает позицию Франка или его способ изложения содержания, поскольку общие поведенческие «импликации» или мотивации некой (лишенной значения в строгом смысле слова) доктрины могут быть и часто действительно являются весьма значительными. Прагматические следствия лишенной значения метафизики могут иметь значение и быть очень важны. Молчаливое признание этого тезиса и проявляется во взятии всех соответствующих слов в кавычки без того, чтобы втягиваться в увядший в сторону спор.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕЛЯТИВИЗМА

ком его силы, а не слабости. Сила определения связана с тем, каким образом оно позволяет нам поставить интересные вопросы и подводит нас к интересным проблемам.

Приведу пример. Основополагающей проблемой в теологической традиции является отношение бога к человечеству. Как конечное человеческое сознание может постигнуть божественную бесконечность? Как наш несовершенный разум может постичь божественное совершенство? Особенно остро эта проблема встает в связи с учением о богоявлении. Как бог сошел с небес и стал человеком? Проблема богоявления аналогична вопросу о том, как с точки зрения абсолютиста человеческие существа из плоти и крови могут обладать абсолютным знанием.

Например, если корпус математического знания содержит вечные и абсолютные истины об отношениях между абстрактными объектами, то как человеческий мозг может воспринять это знание? Как атеист я не верю, что теологи дали убедительный ответ на вопрос о богоявлении. Как релятивист я не верю философам, которые, подобно Фреге, дают точные ответы на аналогичные вопросы относительно их математических теологий.

Я не думаю, что есть какая-то особая проблема, возникающая из-за связи между моим определением и теологией. Я полагаю, что на самом деле вся современная философия тесно связана с теологической традицией, однако поскольку философия с течением времени приобрела выражено светский характер, сейчас ее отношение к этой традиции стало весьма не простым и запутанным. Для многих светских философов наука заняла место бога, и это мешает им научно помыслить природу науки. Они разделяют ложное мнение, что научное исследование природы самой науки способно подорвать ее авторитет. Поэтому они считают социологию науки нападением на науку⁴.

§5 Альтернативные определения релятивизма

Теперь я хотел бы бросить взгляд на некоторые альтернативные определения релятивизма. Согласно моему определению, отбрасывание абсолютизма является необходимым и достаточным условием релятивизма. По моему опыту, боль-

⁴ См.: *Bloor D. Epistemic Grace. Anti-Relativism as Theology in Disguise // Common Knowledge. 2007. Vol. 13. P. 250–280.*

шинство философов считает отбрасывание абсолютизма необходимым, но не достаточным условием. Поэтому многие философы думают, что они могут отбросить абсолютизм и *одновременно* отбросить релятивизм. Они думают, что можно быть и не абсолютистом, и не релятивистом. Если мое определение релятивизма верно, то они ошибаются. Вопрос таков: действительно ли релятивизм и абсолютизм образуют дихотомию? Являются ли они взаимно исключающими друг друга и совместно исчерпывающими весь универсум возможных позиций?

Философ Филипп Китчер возразил мне, сказав, что релятивизм и абсолютизм являются крайними позициями и между ними есть средний путь. Это (как утверждает Китчер) оставляет пространство для умеренной позиции, которая не является ни релятивистской, ни абсолютистской. С этой точки зрения отбрасывание абсолютизма является необходимым, но не достаточным условием для принятия релятивизма. Должны быть выполнены еще несколько условий (*У*), которые помимо и сверх отбрасывания абсолютизма также являются необходимыми.

Логически правильная форма определения релятивизма в соответствии с позицией философов типа Китчера должна выглядеть так:

$$P = \sim A \ \& \ U.$$

Сейчас я хотел бы привести три примера использования определения с такой структурой. Я полагаю, что все смогут убедиться, насколько популярны и широко распространены эти определения. В каждом случае я буду специально оговаривать, что я считаю ошибочным в определении.

Пример 1. Карл Поппер утверждал, что он отбросил абсолютизм, поскольку считал все знание гипотетичным. Однако он также утверждал, что отбросил релятивизм, поскольку выбор между научными теориями для релятивистов совершенно произволен⁵. Следовательно, в этом случае к определению релятивизма добавляется условие произвольного выбора теории. Итак:

$$P = \sim A \ \& \ (\text{Произвольность}).$$

Несмотря на то что различные версии определения Поппера имеют широкое хождение, я не думаю, что они обеспечивают хорошее определение релятивизма. Я могу привес-

⁵ *Popper K.R.* The Open Society and its Enemies. Vol. 2. L., Routledge. P. 369.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕЛЯТИВИЗМА

ти две причины этого. Во-первых, такое определение можно критиковать по практическим основаниям. Где можно встретить того, кто всерьез думает, будто выбор теории в науке является или должен быть произвольным? Некоторые составляющие научной теории могут быть произвольны, например выбор системы математической нотации, но никто не думает, что важные составляющие теории являются произвольными. Цель попперовской критики является чисто вымышленной⁶.

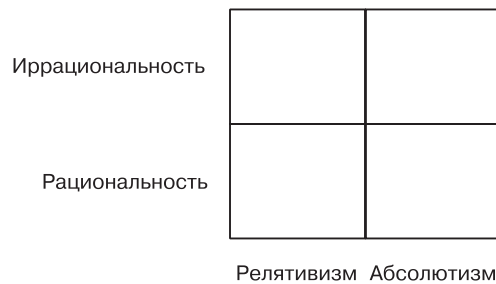
Если бы некто утверждал, что научные теории должны выбираться произвольно, то тогда, без сомнения, он был бы релятивистом. Однако если это и достаточное условие для того, чтобы быть релятивистом, оно отнюдь не необходимо. Филипп Франк не считал выбор теории произвольным. Он доказывал, что теории оцениваются так же, как части какой-либо технологии. Существует множество различных, часто конфликтующих между собой критериев, и различные группы ученых имеют различные предпочтения и могут присваивать различный вес одним и тем же критериям – но сама процедура оценивания не является произвольной⁷.

Во-вторых, я хотел бы адресовать попперовскому определению логический контраргумент. Оно фактически уравнивает релятивизм с иррационализмом, то есть с торжеством иррациональности. Безусловно, иррациональность – это очень интересный феномен, но попперовское определение не позволяет заключить, какое отношение она имеет к релятивизму. Более строгий способ оценки соотношения иррациональности и релятивизма заключается в том, чтобы увидеть здесь два независимых параметра. Выбор между рациональностью и иррациональностью – это одно, выбор между релятивизмом и абсолютизмом – это другое. Представление о том, что необходимо выбирать между рациональностью и релятивизмом является ложным: это ложная дихотомия. Корректный способ сформулировать соотношение между рациональностью и релятивизмом заключается в использовании попарной матрицы сравнения возможностей.

⁶ Наиболее распространенная версия попперовского определения заменяет его термин «произвольность» словами «все дозволено». Этот девиз связан с именем Пола Фейерабенда, хотя я не убежден, что он сам использовал его в том смысле, который обычно приписывается ему и тем другим, которые также открыто считали себя релятивистами; однако это уже предмет отдельного разговора.

⁷ *Frank P. The Variety of Reasons for the Acceptance of a Scientific Theory // The Scientific Monthly. 1954. Vol. 79. P. 139–145.*

Рациональность конфликтует с релятивизмом только тогда, когда вы утверждаете абсолютность рациональности.

Пример II. На одном семинаре несколько лет назад я повстречал философа, который утверждал, что не является ни абсолютистом, ни релятивистом, – и объяснял это тем, что он верит в «объективность». Назовем таких людей «объективистами». Вопрос заключается в следующем: может ли объективист избежать выбора между абсолютизмом и релятивизмом?

Филипп Франк тоже верил в объективность. И он бы задал объективистам один вопрос. Их объективность – это абсолютная или относительная объективность? Философы, следующие кантианской традиции, рассматривают объективность как нечто сверхъестественное и абсолютное, но это не единственная альтернатива. Другие мыслители, как, например, Дюркгейм, натуралистически трактуют объективность как своеобразный каркас, создаваемый культурой и обществом. Такой подход к анализу объективности я считаю правильным и научным. Следовательно, призыв к объективности как таковой не создает проблем для моего определения. Абсолютистские представления об объективности относятся к одной стороне дихотомии, а релятивистские – к другой.

Важно отметить, что понятие объективности всегда используется в связке с понятием субъективности. Отрицать объективность чего-либо означает утверждать его субъективность. Я хотел бы подчеркнуть, что выбор между объективностью и субъективностью – это одно; выбор же между абсолютизмом и релятивизмом – это другое, и для ясности нужно четко разделять эти вещи. Эти две дихотомии имеют разные области применения и разные концептуальные роли. Если смешать эти роли и эти области применения между собой, то в результате мы получим ложные альтернативы и ложные противопоставления.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕЛЯТИВИЗМА

Каков правильный путь соотнесения категории объективности с выбором между релятивизмом и абсолютизмом? Правильный путь заключается в том, чтобы не пытаться поместить объективность между релятивизмом и абсолютизмом так, как это предлагает Китчер, когда рассматривает и объективность и субъективность *ортогонально* по отношению к дихотомии между релятивизмом и абсолютизмом. В результате получается вот такая попарная матрица позиций

Объективизм		
Субъективизм		
	Релятивизм	Абсолютизм

Она показывает, почему Франк был прав в своей вере в релятивизм и одновременно в объективность.

Пример III. Многие философы, выступающие против релятивизма, считают, что релятивизм предполагает некий вид философского «идеализма». Идеализм – это доктрина, в соответствии с которой то, что кажется материальной реальностью, не существует вне зависимости от убеждений познающих субъектов. Идеалистические взгляды релятивистам приписывает Эрнест Геллнер, а также авторы статей, посвященных релятивизму, в Оксфордском справочнике по философии и Кембриджском философском словаре⁸. Они утверждают, что релятивисты отрицают значимость материального мира и данных чувственного опыта в процессе формирования верований или в научном исследовании. Возможно, вы согласитесь с тем, что большая часть нападок на социологию знания в рамках так называемых войн за науку принимает именно эту форму. Эти нападки являются обвинениями в идеализме.

С этой точки зрения определение релятивизма выглядит так:

$$P = \sim A \ \& \ \text{Идеализм.}$$

⁸ Gellner E. Relativism and Universals // Rationality and Relativism. M. Hollis and S. Lukes (eds.). Oxford : Blackwell, 1982. P. 181–200. Coady C.A. Epistemological Relativism // The Oxford Companion to Philosophy ; T. Honderich. (ed.) Oxford : OUP, 1995. P. 757; Pojman L.P. Relativism // The Cambridge Dictionary of Philosophy ; R. Audi (ed.). Cambridge : CUP, 1995. P. 690–691.

Я не думаю, что это определение имеет какой-либо исторический или логический смысл. Исторически многие релятивисты были как раз материалистами, а не идеалистами. Идеалистами были абсолютисты. Логически мой ответ строится так же, как и в предыдущих случаях. Идеализм – это отрицание материализма. Выбор между идеализмом и материализмом – это одно, выбор между релятивизмом и абсолютизмом – другое. Нам потребуется еще одна матрица попарного сопоставления, чтобы обозначить имеющиеся варианты и структурировать рациональное обсуждение этих вопросов.

Идеализм		
Материализм		
	Релятивизм	Абсолютизм

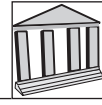
Во имя ясности дихотомия релятивизма и абсолютизма не должна смешиваться с дихотомией материализма и идеализма.

Три приведенных примера показывают слабость определений, которые считают отбрасывание абсолютизма необходимым, но не достаточным условием релятивизма. Я буду называть эти определения *эклeктическими определениями*, потому что они смешивают те категории и понятия, которые должны использоваться по отдельности.

Эклeктические определения всегда выдвигаются под видом защиты умеренности. Утверждают, будто они помогают найти средний путь и избежать экстремизма. Но эклeктизм не добродетель, а результат умственной путаницы.

§6 Каков критерий релятивизма?

Некоторые авторы начинают свое обсуждение проблематики релятивизма с вопроса о том, к чему релятивен релятивизм. Затем они пытаются идентифицировать различные виды релятивизма в зависимости от различных возможных ответов на этот вопрос. Провозглашают ли релятивисты, что

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕЛЯТИВИЗМА

знание релятивно к классовым интересам? Или к национальным группам? Или к академическим дисциплинам? Или к профессиональным институциям? Я думаю, что это *плохой* способ решения проблемы определения релятивизма. Дискуссии такого рода быстро вырождаются в коллекционирование самых невероятных возможностей.

Должно быть, вы уже заметили, что мое определение вообще не содержит какой бы то ни было информации о том, релятивным к чему является релятивизм. Как и ранее, я полагаю, что это признак силы моего определения, а не его слабости, однако позвольте мне объяснить, почему я так считаю.

Мы должны помнить о том, что релятивизм – это не просто некая философская поза; релятивизм является методологической позицией, принятой среди историков науки, социологов знания, антропологов, экспериментальных психологов и специалистов в области когнитивных наук. Очевидно, что релятивизм следует понимать так, чтобы он был совместим с различными дисциплинарными подходами, принятыми в этих областях знания.

Ученые, работающие в каждой из этих областей, исследуют определенную область причинных отношений, так, психологи изучают каузальные эффекты сенсорной стимуляции, а социологи – казуальные эффекты общественного взаимодействия. Релятивности, которые обнаруживаются в таких исследованиях, и являются открываемыми причинными отношениями. Знание релятивно ко всему, что является его причиной. Релятивности – это причинности. Эти каузальные отношения могут быть установлены только путем эмпирических исследований. Они не могут быть предвосхищены. Они не являются предметом установления a priori и, следовательно, их природа не зависит от того или иного их определения. Вот почему споры о релятивизме не следует начинать со спекуляций о существовании различных отношений причинности. Скорее наоборот: выводы относительно действительных причин релятивизма должны быть завершением этих споров.

Позвольте мне привести один пример. Некоторые антропологи утверждают, что во всех языках мира есть слово, которое на мой язык переводится как «red». Хотя границы применимости этих слов в разных языках слегка различаются, все они обозначают приблизительно один и тот же набор цветовых оттенков. Таким образом, утверждается, что «red» является культурной универсалией. Опровергает ли это релятивизм?

Некоторые философы думают, что опровергает. Они считают релятивизм формой партикуляризма, не совместимого

с любой формой универсализма (Ун). Тогда их определение принимает характерную эклектическую форму:

$$P = \sim A \ \& \ \sim Ун.$$

Это, безусловно, ошибочно. Культурные универсалии могут угрожать релятивизму, только если они универсальны в смысле абсолютного бытия. Просто случайные универсалии не представляют угрозы. Они полностью совместимы с релятивизмом⁹.

Заметьте, что из открытия антропологов не следует, будто понятие «red» содержит в себе что-либо абсолютное. Исследования антропологов не превращают «red» в платоновскую идею, маленькое откровение, взгляд в глубины абстрактных объектов или вечную сущность. Они просто являются свидетельством широко распространенной поведенческой реакции определенного вида животных при определенных природных и физиологических условиях.

Любое использование понятия «red», включая как правильное, так и неправильное его применение, целиком подлежит каузальному объяснению в терминах событий, обусловленных внешней реальностью. Вообще говоря, для установления корректного использования понятия «red» необходимо будет изучить не только психологические, но и социологические процессы.

Осваивающие употребление понятия «red» будут делать это на основании перебора конечного числа примеров. На основании этих примеров они должны будут научиться применять это слово таким образом, который согласуется с тем, как его употребляют другие люди. Они должны будут освоить конвенцию, управляющую соответствующими употреблениями. Степень распространенности этого правила не отменяет действия общих биологических, психологических и социологических принципов.

Все аспекты этой ситуации находятся в области естественной каузальности и, как следствие, не имеют никакого отношения к области абсолютов.

§7 Релятивизм или релятивизмы?

Ведет ли определение Франка к выводу, что существует только один вид релятивизма или оно совместимо с признанием различных видов релятивизма?

⁹ Это прекрасно показано Геллнером в начале цитировавшейся выше статьи. К сожалению, продолжает он гораздо хуже.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕЛЯТИВИЗМА

Ответ заключается в том, что это определение совместимо с принятием самых разных видов релятивизма при условии, что все они имеют одну общую характеристику. Некоторые могут прийти к релятивизму как идеалисты, некоторые как иррационалисты, третьи как субъективисты, а четвертые потому, что они не относятся к какому-либо из перечисленных лагерей, однако всех их приводит к релятивизму то, что они отбросили абсолютистскую картину знания. Они могут отбрасывать претензии на абсолютное знание по разным основаниям, но при этом то, что они отбрасывают, остается неизменным. Именно это зафиксировано в определении Франка.

Не является ли такое определение слишком широким? Я имею в виду исходное определение, что $P = \sim A$. Под него, конечно, подпадут многие, которые предпочли бы воздержаться от описания самих себя как релятивистов. Они могут оказаться склонны критиковать определение Франка за то, что оно не способно провести важные различия. Разумеется, определение релятивизма в терминах отбрасывания абсолютизма является широким, но я не думаю, что слишком широким. Чтобы обосновать этот тезис, позвольте вернуться к использованному в начале статьи сравнению с теологией. Я предлагаю мыслить релятивизм так же, как мы мыслим атеизм. Если абсолютистская позиция похожа на веру в бога, то релятивистская – на атеизм.

§8 Атеизм и релятивизм

Есть много разных причин для того, чтобы быть атеистом. Кто-то может быть атеистом из-за неприятия всей мировой скорби страданий; другой – из-за развращенности церкви; третий потому, что он считает ошибочными доказательства бытия бога, предложенные Аквинатом, а четвертый потому, что он верит в науку и считает, что наука описывает лишенный божественного начала мир.

Можно по-разному воплощать в жизнь свои атеистические убеждения. Некоторые, как герой одного русского романа, могут заключить, что если бога нет, то все дозволено. Другие будут более сдержанны. Подобно Дэвиду Юму, они будут спокойно и взвешенно искать натуралистическое обоснование знания и морали, обращаясь к инстинкту, конвенциям и полезности.

Однако все они будут иметь одно общее: отрицание существования бога. Это необходимое и достаточное условие для

того, чтобы быть атеистом. Не является ли это определение слишком широким? Я никогда не слышал какого-либо возражения против такого определения, и уж, конечно, такое возражение не было бы убедительным. Предположим, что некто определяет атеизм, утверждая, что атеисты отрицают существование бога и отбрасывают любую мораль (*M*). Другими словами, предположим, что они принимают эклектическое определение следующего вида:

Атеизм = $\sim B$ & $\sim M$.

Всякий может убедиться в том, что такое определение с его добавочным необходимым условием относится скорее к отдельному варианту атеизма, нежели к общему случаю. Любой увидит, что такое определение не помогает сфокусировать обсуждение на сущностных вопросах, ибо разрушает ясность наших понятий. Мой вывод состоит в том, что атеизм, если определить его просто как отрицание существования бога, – слишком широкая, но при этом хорошая категория. Я полагаю, что то же самое относится к простому и широкому определению релятивизма, которое дал Франк.

А как быть с агностицизмом? Агностики – это люди, которые никак не могут определиться. Они не занимают отдельного места между атеистами и теистами, скорее им не достает ясности ума, чтобы определить, к какой стороне дихотомии себя отнести. Или же им не достает морального мужества, чтобы публично заявить о своей позиции. Я подозреваю, что это как раз случай тех философов, которые надеются избежать крайностей релятивизма и абсолютизма. Они просто не в состоянии понять смысл выбора, перед которым они стоят.

§9 Заключение

Самый важный вывод из проведенного анализа заключается в том, что идеализм, иррационализм, партикуляризм и субъективизм не являются необходимыми составляющими релятивизма. Некоторые из них могут быть достаточными, но они не являются необходимыми. Существуют и другие пути к релятивизму, и я начал с того, что определил один такой путь, а именно, путь науки. Франк пришел к релятивизму, потому что занятия наукой, как он ее понимал, влекли за собой отбрасывание абсолютизма. Думаю, он был прав.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕЛЯТИВИЗМА

Современные философы, критикующие релятивизм, не в состоянии понять, что наука сама по себе является релятивистским предприятием. Они не понимают, что приверженности науке, как сейчас понимается это занятие, достаточно для обоснования релятивистской позиции. Они считают, что наука и релятивизм противоположны друг другу. Начало этой тенденции положил Поппер. Он близко подошел к пониманию релятивности науки, но позволил этому прозрению ускользнуть сквозь пальцы. Поппер понимал, что не является абсолютистом, но вместо того чтобы признать релятивистский характер своего анализа науки, он так затуманил свою картину знания, что превратил ее в инструмент политической пропаганды¹⁰. Вне зависимости от того, достойными или недостойными были те политические причины, которые побудили его к этому, результат для его философии оказался, без сомнения, негативным.

Поппер принял эклектическое определение релятивизма, и такая стратегия, как я показал, принята по умолчанию. Однако основанные на ней аргументы против релятивизма, высказываемые сегодняшними философами-антирелятивистами, в действительности направлены против иррационализма, субъективизма, идеализма и чрезмерного партикуляризма. Фактически антирелятивисты критиковали что угодно, кроме релятивизма. Во всей этой путанице и неразберихе ясная и простая позиция Франка – настоящее облегчение. Только в одном этом отношении определение Франка удовлетворило бы епископа Батлера. Согласно определению Франка, в отличие от стандартных эклектических определений *релятивизм есть то, что он есть, и ничто другое*¹¹.

Перевод с английского П.А. Сафронова

¹⁰ Поппер связывал абсолютизм в философии с тоталитаризмом в политике. Это привело его к принятию половинчатой позиции под названием «фаллибилистический абсолютизм». Согласно данной позиции, существуют «абсолютные ошибки» и «понятия об истине... могут представлять абсолютный критерий для фаллибилиста» (*Popper K.R. The Open Society and its Enemies. Vol. 2. P. 277*). Но утверждает ли Поппер то, что мы действительно обладаем некими абсолютными критериями и знаем о них, или только то, что мы обладаем только лишь «понятиями» и «представляем» их для себя, т.е. то, что мы имеем в нашем сознании некоторое представление о положении вещей, а вовсе не то, что мы располагаем знанием о том, как все обстоит на самом деле? Если это так, то позиция Поппера в действительности совпадает с выраженной в настоящем тексте. Я также утверждаю, что в нашем сознании есть некоторое представление об абсолютных критериях, а именно, то представление, которое мы получаем благодаря теологии.

¹¹ Основная идея этого текста подробно изложена в: *Bloor D. Relativism and the Sociology of Scientific Knowledge // Blackwell's Companion to Relativism (forthcoming 2011)*.